

- Евзлин М.* Космогония и ритуал. М., 1993.
- Журавлев А. П.* Фонетическое значение. М., 1974.
- Левицкий В. В.* Семантика и фонетика. Черновцы, 1973.
- Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996.
- Монич Ю.В.* Амбивалентные функции ритуала в эволюции языковых систем // *Вопр. языкознания*. 2000. № 6.
- Славянская мифология*. М., 1995.
- Шляхова С. С.* Дребезги языка: Словарь русских фоносемантических аномалий. Пермь, 2004.
- Шляхова С. С.* Символика речи (говорения) в свадебном тексте// *Фольклорный текст-99*. Пермь, 2000
- Шляхова С. С.* Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику. Пермь, 2003.

Т. В. Ицкович

О КОМПОЗИЦИОННО-ТЕМАТИЧЕСКОМ РАЗВЕРТЫВАНИИ ЦЕРКОВНОЙ ПРОПОВЕДИ

В. В. Одинцов определил текст как сложную структуру многообразно соотносящихся категорий содержания (темы и собственно содержания) и формы (композиции и языка), обратив внимание на то, что стилистический анализ должен выявлять характер «оформленности содержания», т. е. структуры текста [см.: Одинцов, 1980, 35]. Схема структурной упорядоченности текста, что и есть композиция последнего, выступает постоянным предметом внимания традиционной и новой филологии. В лингвистике текста понятие композиции увязывается с процессами расчленения текстового континуума на содержательные сегменты, группирующиеся в информативные блоки, и объединения информации внутри каждого сегмента и блока; а также между блоками в составе текстового целого [см., например: Баженова, 2001; Данилевская, 1996; Валгина, 2003]. Иначе говоря, композиция представляет собой группировку элементов содержания по определенной схеме, создающей «каркас, на котором держится текст» [Кожин и др., 1982, 178].

Динамический подход к композиции (эта идея разрабатывалась В. В. Виноградовым применительно к художественному тексту [см.: Виноградов, 1959]) очень близок исконно свойственному риторике коммуникативному подходу, в соответствии с которым композиция речевого произведения определяется как строение, соотношение, взаимное расположение частей, посредством которого *а д р е с а н т* управляет вниманием *а д р е с а т а* таким образом, что эти части воспринимаются как единое иерархическое целое, где каждому компоненту уделяется внимание, соответствующее его значимости, обусловленной коммуникативной установкой [см. об этом: Хазагеров, Ширина, 1994].

В рамках категориально-текстовой концепции категория композиции также теснейшим образом связана с категорией темы. Если тема — это обобщенный предмет обсуждения, смысловое ядро текста, его обобщенное содержание [см.: Москальская, 1978], то композиция — «это форма выражения и развития темы» [Клинг, 1988, 6], способ ее структурирования. Соответственно делению темы на подтемы и образованию тематического «дерева» текста, отягощенного тематическими модификациями и дополнительными включениями, можно ожидать формирования композиционных фрагментов и блоков с формально выраженными показателями их относительной смысловой самостоятельности и в то же время текстовой общности. Динамический подход обуславливает рассмотрение данных компонентов как последовательности, соотносимой с замыслом автора и авторской целью воздействия на адресата текста.

В данной статье рассматривается взаимосвязь темы и композиции на материале церковной проповеди с целью выявить типовое содержательное структурирование текстов данного жанра. Более конкретно: в задачи автора входит соотношение тематического развертывания проповеди с ее делением на композиционные субтексты и выявление признаков повторяемости такого деления в границах текстотипа, т. е. жанровой типичности выявленных соотношений. При этом за основу берется исходная позиция православного проповедничества, тем более что в ней абсолютно точно учтены основные признаки текстовой деятельности: коммуникативность и целенаправленность коммуникации, а также тематическое единство текста. В гомилетике признанной является четырехчастная схема построения проповеди как наиболее отвечающая требованиям распределения материала и последовательности раскрытия темы. Гомилеты выделяют следующие части проповеди: вступление, имеющее целью «расположить пасомых к слушанию и ввести их в тему проповеди»; изложение, цель которого — «обоснование главной мысли или темы проповеди, раскрытие ее смысла»; нравственное приложение, цель которого «сделать нравственные выводы из изложенного»; наконец, заключение, призванное «служить обрамлением и являться завершением выступления проповедника» [Еп. Феодосий, 1999, 166—171]. Данная схема имеет предельно общий характер и может быть, на наш взгляд, уточнена на основе последовательного прослеживания тематического, т. е. содержательно-логического, развертывания текста проповеди.

Рассмотрим содержательные блоки проповеди, предварительно оговорив соотношение понятий «тема» и «содержание» [см.: Дресслер, 1978]: под содержанием будем понимать «материал действительности, использованный для раскрытия темы» [Кожин и др., 1982, 136]; под темой — содержание в его обобщенно-номинативном представлении.

Категориально-тематический анализ проповедей различного типа (катехизаторских, миссионерских, догматических) показал общее своеобразие данного жанра. Главная особенность проповеди заключается в ее тематическом двуединстве. Проповедь одновременно содержит в себе предметную тему целого текста (отражение реального события, значимого для аудитории в религиозном контек-

сте) и духовную тему (реализация сути христианского вероучения на базе лексемы *Бог* и наименования нравственных понятий христианства: *вера, надежда, любовь, свет, спасение, милосердие, грех, покаяние* и др.). В тексте проповеди с помощью предметной темы автор подводит своего слушателя к сути текста — его духовной теме.

Если же иметь в виду полную тематическую картину проповеди как жанра, то следует отметить неоднородность предметной тематики проповеди. Данный жанр характеризуется по крайней мере тремя подтипами предметных тем. Наиболее важна в содержательном отношении и близка к духовной предметно-событийная тема сакрального текста (событие, связанное с жизнью, смертью и воскресением Христа или с жизнеописанием святых), наряду с ней выделяются тема-факт (событие реальной обыденной действительности, которое осмысляется с религиозной точки зрения и подчиняется духовной теме) и тема-повод (тот или иной христианский праздник или другое религиозное или светское событие, послужившее отправным пунктом для проповедника). Соответственно назовем эти разновидности предметной темы *событийно-сакральной*, *событийно-профанной* и *ситуативной*. Рассмотренная логическая классификация тем позволяет сделать предварительный вывод об иерархической соподчиненности в рамках предметной темы (событийно-сакральная тема возглавляет иерархию, событийно-профанная наименее значима) и общего тематического набора: вся предметная тематика подчинена единой *духовной теме*, главной и обязательной в тексте любой проповеди.

Композиция проповеди как линейное развертывание ее содержания типизируется по общим законам жанрообразования. Наиболее актуальна схема тематического развертывания, при которой сначала развивается ситуативная предметная тема, указывающая на повод произнесения именно этой проповеди. Затем ситуативная тема сменяется событийно-сакральной, основанной на текстах Священного Писания и богослужебных книг (Четьи-Минеи, Пролог), повествующих о реальных событиях из жизни Христа и святых Церкви. После тематической проработки событийно-сакральной темы осуществляется переход к духовной теме, истолкованию глубинного смысла рассказанных событий. При этом предметно-профанная тема является сугубо факультативной, она используется в логической структуре текста в качестве аргумента или иллюстрации к аргументу. Заканчивается проповедь композиционным блоком, в котором сливаются воедино духовная и ситуативная темы.

Продemonстрируем данную схему на базе проповеди «На Воздвижение честного и животворящего Креста Господня» архимандрита Кирилла (Павлова) [Арх. Кирилл, 2000]¹, с привлечением материала других текстов. Проповедь начинается с экспликации ситуативной предметной темы: «Сегодня Святая Церковь торжественно вспоминает обретение Честного Креста Господня» [НВ]. Ввод ситуатив-

¹ Далее ссылки на цитаты из этой проповеди архим. Кирилла даются сокращенно: [НВ].

ной темы через речевой оборот *сегодня Святая Церковь... вспоминает* типичен для церковной проповеди. Используются также речевые вводы: *сегодня христиане всего мира... празднуют; сегодня мы с вами снова вспоминаем...; сегодня я хотел поговорить с вами...; в настоящий день... Святая Церковь торжественно совершает память...; мы слышали сегодня...* Прямым сигналом ситуативности служит детерминант с темпоральной семантикой.

Переход к событийно-сакральной теме осуществляется с помощью композиционно-речевой связки с номинацией *это* [какое] *событие*: «Это радостное событие последовало...» [НВ]. В других текстах отмечены речевые связки *этот праздник, это произошло, эта молитва, такое покровительство*. Так или иначе, с помощью слов с обобщающей семантикой (*событие, праздник, покровительство*) или более конкретных номинаций определенного события начальная позиция содержательного фрагмента маркируется для слушателя как обращенная к событийно-сакральной конкретике обсуждаемого явления. Это сразу же подтверждается последующим повествованием о реальных исторических событиях, легших в основу данного праздника (или другого события-повода). Сакральное событие предстает перед слушателями в его становлении и развитии, автор перечисляет существенные моменты развития события через действия героев повествования, при этом учитывается напряженность развития действия. Типичным для повествовательного фрагмента является использование проповедником классической схемы: экспозиция — завязка — развитие действия — кульминация — развязка. Повествование организуется типичными средствами грамматического оформления: используются глаголы-сказуемые совершенного вида, им сопутствуют обстоятельства со значением времени (*сначала, в это время, потом, тогда*), высокочастотны союзы и союзные слова того же значения (*когда, во время, после того как*). Смена событий передается различными сдвигами видо-временных форм глаголов. По ходу повествования указываются причинно-следственные взаимосвязи, могут использоваться описательные характеристики, однако то и другое факультативно.

Стилистическое единство данного композиционного блока достигается за счет создания единого лексического поля, в котором особенно значима конкретно-предметная лексика, поскольку повествование нацелено на чувственное воспроизведение события: *Иуда, северо-восточная сторона Голгофы, капище Венеры, мусор, земля* [НВ] и т. п. При повествовательном развитии событийно-сакральной темы широко используются приемы популяризации. В первую очередь, это вопросно-ответный ход как средство диалогизации текста, т. е. способ привлечения внимания аудитории: «Но как найти это сокровище?.. Он связан крестною силою, а если связан, то как может тебе повредить?.. Влагает ли тебе в ум диавол худые мысли?.. Принуждает ли тебя обращать очи туда и сюда?.. Понуждает твой язык разглагольствовать?.. Доносит ли до ушей твоих суетные слова других?..» [НВ]. Вопросно-ответное структурно-содержательное единство — важнейший способ развертывания событийно-сакральной темы в тексте проповеди, активизирующий внимание адресата. Первый компонент — единичный вопрос или, чаще, цепочка вопросов, выполняет следующие функции: обозначение узловых позиций текста,

связь частей текста, формирование определенного эмоционального состояния слушателей, выражение авторской оценки. В ответной части единства, как правило, содержится поведенческий пример, связанный с жизнеописаниями святых и содержащий в себе образец должного поведения и отношения к обозначаемой проблеме.

В событийно-сакральном композиционном блоке широко используются цитаты. Приведение цитат свидетельствует о достоверности передачи чужого высказывания и косвенно передает уважение к источнику информации и его содержанию. Цитаты из Священного Писания («Слово о Кресте для погибающих юродство есть, а для спасаемых — сила Божия» [НВ] и под.) для религиозной аудитории являются бесспорно авторитетными, кроме того, они задают торжественную тональность речи. Завершается развитие событийно-сакральной темы обобщением (а), в котором, как правило, данная тема сопрягается с ситуативной (б): «Поэтому воспоминание о сем славном событии (а) и получило в нашей Церкви наименование Воздвижение Честного Креста Господня (б)» [НВ]; см. также: «Торжествуют и радуются христиане, празднуя этот праздник (а), потому что славное Преображение Господне величайшее дает утешение христианскому сердцу (б)» [Митр. Антоний, 2002]²; «Сию-то радостную встречу Господа нашего Иисуса Христа (б) и мы с вами ежегодно торжественно празднуем (а)» [Арх. Кирилл, 2000]³.

Переход к реализации духовной темы происходит на логических основаниях, так как цель следующего композиционного блока — это истолкование сакральных событий в деятельно-нравственном аспекте, указание на их роль в духовном развитии человека. Данный блок в анализируемом тексте отвечает на конкретный вопрос: «В чем сила Животворящего Креста?», и вопросительная конструкция может рассматриваться как структурный сигнал смены тем проповеди. См. также: «Как совершается преображение человека душевного в человека духовного?» [ПГ]. Возможны и более сложные структуры. Так, в проповеди митр. Антония (Сурожского) применяется группа вопросов, функционально неоднозначных. Вначале идет серия вопросов, выделенная в отдельный абзац: «Каким же образом происходит, что раз за разом мы причащаемся — некоторые из нас дерзновенно из недели в неделю, другие с большим страхом Божиим, реже — и однако никто из окружающих нас не видит этого Божественного сияния на нашем лице, в наших глазах? Как происходит, что эта слава Божия не излучается из каждого нашего слова, из глубокого безмолвия души, не явлена красотой каждого нашего действия, когда каждое наше движение достойно Самого Бога?» [Митр. Антоний, 2002]⁴. Затем, вместо ожидаемого ответа, дается еще один вопрос, который развивает предыдущие: «И еще: каким это образом, причащаясь на протяжении стольких лет, мы едва ли отдаем себе отчет, что с нами совершается что-то неизъяснимо великое?»

² Из проповеди митрополита Антония (Сурожского) «На Преображение Господне». далее ссылки на эту проповедь даются сокращенно: [ПГ].

³ Из проповеди архимандрита Кирилла «На Вход Господен в Иерусалим». Далее сокращенно: [ВГ].

⁴ Из проповеди митрополита Антония «О Причащении». Далее сокращенно: [ОП].

Далее автор отвечает именно на последний вопрос. Таким образом, первые два вопроса используются для обозначения перехода к развитию духовной темы, т. е. выполняют собственно композиционную функцию, третий же обозначает проблемное поле следующего фрагмента текста. В развернутом ответе, который структурирован с помощью еще одного вопроса: («Не потому ли, что идти к Причастию можно по-разному?»), проповедник размышляет о разном отношении к таинству Причастия, начиная с явно отрицательного, неправильного и заканчивая образцовым. С логико-риторической точки зрения связкой служит «лекторский вопрос», т. е. вопрос, на который сразу следует ответ самого спросившего. Семантической особенностью данных вопросов является использование слов смыслового ряда «духовная жизнь» (*смысл, значение, сила, надежда, ободрение, духовность* и др.) Стилистическое единство данного блока обеспечивается лексическим полем, для которого характерно использование абстрактных лексем, выражающих духовные понятия (*вера, любовь, милосердие, благодать, грех, покаяние*).

Переход к заключительной части, которая в проповеди носит назидательный характер, обычно происходит с помощью обращения: «Дорогие братья и сестры...» Это наиболее типичный речевой сигнал композиционно-тематического перехода в тексте проповеди. Целостность данного композиционного фрагмента и одновременно его своеобразие проявляется в явном речевом выражении идеи должностования. На данном этапе смыслового развертывания проповедник прямо указывает прихожанам, что надо делать для того, чтобы приблизиться к идеалу, Богу: «...мы должны заботиться о том...»; «...мы должны всегда исповедовать свою веру в распятого за нас Господа...»; «...постараемся жить благочестиво...»; «преисполнимся чувством благодарности к Господу и... припадем к этому Кресту» [НВ]. См. также: «...так и всякий должен прославлять Господа своим добрым поведением и жизнью. Должны мы прославлять Господа и устами своими во всяком духовном пении и молитве...» [ВГ]. Другими логическими связками служат стандартные сигналы *итак, таким образом, поэтому*: «Итак, дорогие братья и сестры, будем со своей стороны употреблять все усилия, чтобы очистить себя внутренно от всякого порока, чтобы не царствовал в нашем сердце грех, а царствовал Христос» [ПГ]; «Поэтому, причащаясь Святых Таин, будем готовиться внимательно и сосредоточенно, и будем готовиться прийти сознательно на исповедь, отречься от неправды в себе, отвернуться от всего того, что могло нас пленять, и готовиться к тому, чтобы после исповеди и соединения со Христом начать жить новой жизнью, чего бы это нам ни стоило» [ОП].

Для заключения проповеди характерно сочетание призыва к слушателям и к самому себе с цепочкой вопросов, например, в проповеди митрополита Антония: «Будем же помнить эти предостережения, которые мы слышим и от святых, и от обратившихся грешников, и ставить перед собой вопрос: как я приступаю к Причастию? В отчаянной ли нужде — или беспечной самоуверенности? С сердцем сокрушенным, потому что мне Бог нужен больше, чем нужна жизнь, или что иное, — или “по-дешевому”: потому что я числюсь членом Его Церкви, даже если и не являюсь живым членом Его Тела?» [ОП]. С помощью серии вопросов осущест-

ствляется и связь с предыдущим смысловым фрагментом, и подведение итогов, и актуализация сказанного, и создание у слушателей определенного эмоционального состояния. Смысловой блок заключения заканчивается новым — основным — побуждением: «Задумаемся над этим... и станем судить себя, чтобы не быть судимыми и осужденными! Аминь» [ОП]. Абсолютной концовкой анализируемой проповеди служит цитата из тропаря праздника «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...» [НВ] и слово-фраза «Аминь (Да будет так)». Этот кратчайший фрагмент также можно считать композиционным компонентом проповеди: слово *аминь* прихожане произносят вместе с проповедником, принимая тем самым к действию все вышесказанное.

В заключительном блоке, как правило, представлены и духовная, и предметная темы, налицо объединительное логическое предназначение фрагмента, подчеркнутое долженствительной модальностью, активизацией идеи воздействия, магистральной для жанра проповеди.

Экспликация ведущих тем в проповеди достаточно четко соотносится с классическим трехчастным композиционным членением. Презентация ситуативной темы происходит во вступлении, завершается она, факультативно, в заключении проповеди, развитие событийно-сакральной и духовной темы в сопровождении сопутствующих фрагментов составляет «тело» текста, слияние духовной темы с ситуативной формирует заключение (рис. 1).

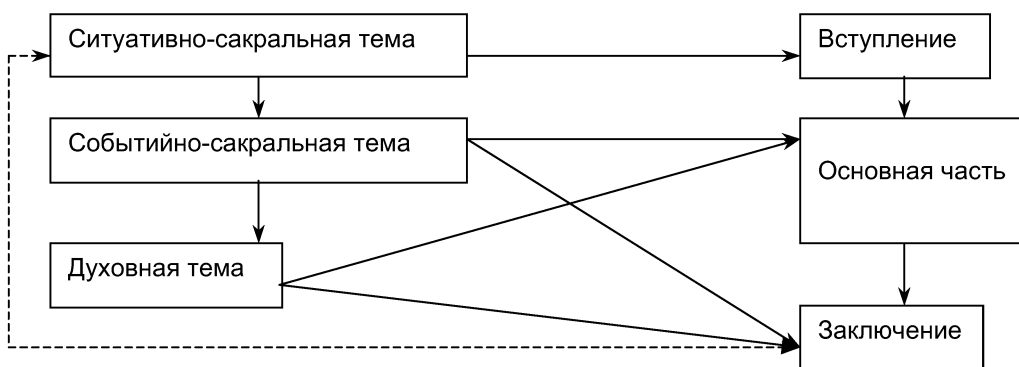

Рис. 1. Схема композиционно-тематических связей в тексте проповеди

Представленная на рисунке композиционно-тематическая модель строится на правильных дидактических основаниях: движение от повода к причинам, от поверхностно-событийного к глубинно-смысловому слою, от информативного к воздействию соответствует методически целесообразному движению от простого к сложному, от конкретного к абстрактному и, наконец, от чужого к лично воспринятому, своему. Добавим, что речевые сигналы этого движения —

композиционные речевые связи — располагаются в начальной позиции тематических фрагментов, предваряют их, что чрезвычайно важно при устном восприятии текста.

Эта базовая композиционно-тематическая схема развития проповеди имеет варианты. Достаточно распространенным является вариант, при котором событийно-сакральная и духовная тема образуют некий повторяющийся комплекс (например, в проповеди, посвященной памяти нескольких святых, или в проповеди, где текст Священного Писания анализируется по частям). При этом поучительная часть может располагаться как после каждого такого комплекса, так и в общем заключении проповеди (рис. 2).

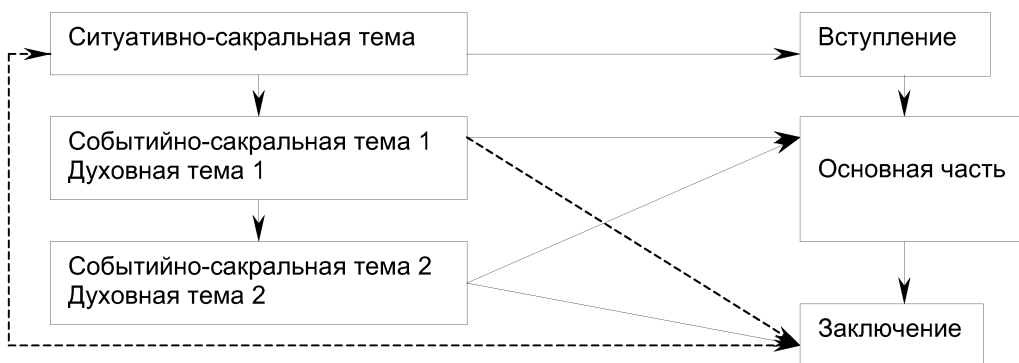

Рис. 2. Схема композиционно-тематической модели с повторениями

Так происходит, например, в проповеди арх. Кирилла «Слово о молитве преподобного Ефрема Сирина» [Архим. Кирилл, 2000]⁵, где автор последовательно представляет обе части молитвы и дает их нравственное истолкование. В результате проповедь состоит из двух частей («бесед», как называет их автор), каждая из которых представляет собой относительно самостоятельный текст.

В ситуативно-сакральном блоке (это само по себе нестандартное сочетание тем), с которого начинается первая часть, проповедник приводит текст молитвы полностью, а затем говорит о глубоком духовном смысле этой молитвы. Далее автор сначала приводит цитату из молитвы (так вводится событийно-сакральная тема), а затем анализирует (духовная тема) обращение к Богу и все прошения по очереди. Проповедь соответственно представляет собой последовательное чередование композиционных блоков, в каждом из которых реализуется и предметная (событийно-сакральная), и духовная темы. Поучение, которым завершается первая часть проповеди, относится не к последнему анализируемому прошению, а ко всему предшествующему тексту в целом: «Итак, дорогие братья и сестры, помня и храня сокровенные в молитве преподобного Ефрема благие уроки, последуя им,

⁵ Далее ссылки на эту проповедь даются сокращенно: [СМ].

мы обязательно привлечем к себе благодать Божию и соделаемся милыми Отцу своему Небесному, удостоимся зреть Горний Иерусалим и блаженствовать со всеми Небесными Силами и душами праведных. А поэтому всегда, и особенно в дни Великого поста, почаще будем взывать: Господи и Владыко живота моего... Аминь» [СМ]. Текст первой части замыкается молитвой, образуя тем самым кольцевую композицию.

В начале второй части, при реализации ситуативной темы, проповедник отсылает аудиторию к первому субтексту (реализация событийно-сакральной предметной темы): «В предыдущей беседе мы с вами, дорогие братья и сестры, останавливались на молитве преподобного Ефрема Сирина...» [СМ]. Затем автор отмечает духовный смысл этой молитвы (реализация духовной темы): «... что эта глубоко содержательная молитва исполнена покаянного и смиренного чувства и что каждое слово ее находит отклик в нашей душе и помогает нам познать свои страсти, пороки и возжелать добродетели, без которой никто не может приблизиться к Богу». Далее отсылочным образом реализуется событийно-сакральная тема: «В прошлый раз мы разобрали первые четыре прошения, в которых преподобный Ефрем Сирий просит Господа, чтобы он не дал ему духа праздности, уныния, любоначалия и празднословия. И ныне мы продолжим нашу беседу» [Там же]. Композиционно-тематическое членение второй части подобно первой: происходит чередование предметной и духовной тем. Анализ восьмого (и последнего) прошения, в котором «преподобный Ефрем Сирий просит даровать ему дух любви», завершается поучительным блоком, относящимся именно к нему: «Возлюбите Бога, братия и сестры, за его к нам милосердие; любите и Матерь Его Святую за ее ходатайство о нас, грешных; любите и всех святых за их молитвы о нас, недостойных; любите отцов и матерей, вас родивших; любите и всех ближних ваших, даже и врагов ваших, и молитесь за них Богу, твердо памятуя, что в заповеди о любви к Богу и ближним состоит весь закон и пророки (Мф. 7, 12). Люби всех, и с Богом будешь, и Бог в тебе будет. А посему да не перестанем молить Господа, чтобы он даровал нам дух любви» [Там же]. Поучительный блок, относящийся ко второй части текста и ко всей проповеди в целом, содержит и предметную (а), и духовную (б) тему: «Дорогие мои, время быстро бежит, пробегают месяцы и годы, приближая нас к тому исходу, к тому концу, когда навечно решена будет наша участь. Добрая жизнь оправдает нас, худая, нерадивая — осудит. (а) Поэтому будем с умилением просить Господа: Господи и Владыко живота моего, дух... целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. (б) Аминь».

Второй вариант композиционно-тематического развертывания проповеди — это сокращенная базовая схема, которая состоит в следующем: после раскрытия ситуативной автор сразу переходит к развитию духовной темы, опуская текстовое развитие событийно-сакральной темы. При этом последняя присутствует при реализации духовной темы в свернутом виде, эксплицируется через набор единичных номинаций (рис. 3).

Так нередко происходит в текстах проповедей митр. Антония Сурожского, например в проповеди, произнесенной 6 января 1974 г. на праздник Воскресения

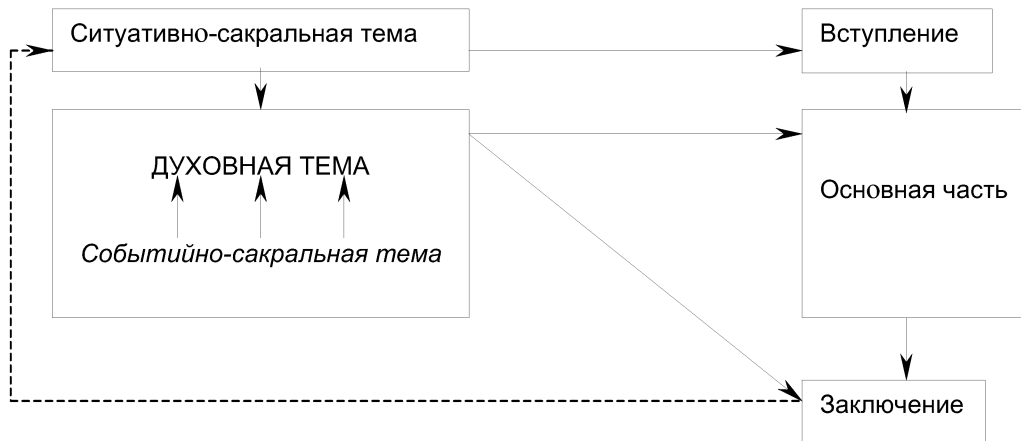

Рис. 3. Схема композиционно-тематической модели со свертыванием

святых отцов [Митр. Антоний, 2002]⁶. Проповедь начинается с реализации ситуативно-сакральной темы: «В преддверии Рождества Христова... как трогательно и вдумчиво Церковь вспоминает всех тех, которые свою плоть, свою жизнь дали, чтобы родился Спаситель. Сегодня праздник предков Господних» [ВС]. Далее автор, не рассказывая об истории праздника, не повествуя о святых праотцах, сразу переходит к истолкованию духовного смысла праздника. Переход к духовной теме происходит на логических основаниях, формально он реализуется через смену тематических полей.

«Тело» текста включает в себя лексемы, отражающие событийно-сакральную тему (*предков Господних, все те, все прошлое человечества, люди, который, всех тех, кто был плотью и кровью, это родословие Христа, все прошлое этой родословной*) и расположенные в сильных позициях текста (в начале и конце каждой микротемы). Они не образуют функционально-текстового поля, а подсоединяются к основному полю, образованному лексикой духовной темы (*Христос, праведное и грешное человечество, святость, грех, человеческая немощь, потемненность сердца, восстание плоти, бушевание истории и жизни, свет, правда, святость, мечта* и др.). Композиционно-тематический блок, отражающий развитие духовной темы, включает также советы автора слушателям, как достичь гармонии, идеала: «...Вспомним всех тех, которые были нашими предками, вдумаясь в это родословие Христа; взглянемся в эти имена»; также в этом блоке автором задается цель, которой должен следовать каждый человек: «...каждый из нас призван подвигом жизни, творением и борьбой, через победы и поражения, идя к Богоотданности, идя к святости, то есть посвященности всего себя Богу, не только себя спасти, оправдать не только свое временное существование на земле, но оправдать

⁶ Далее ссылка на эту проповедь дается сокращенно: [ВС].

жизнь тысячелетий, живущих в нашей плоти и в нашей душе» [ВС]. Таким образом, экспликация духовной темы сопряжена с открытым выражением модальности.

Здесь и в заключительной части проповеди эксплицируется то же соотношение событийно-сакральной и духовной тем, что и в основной части: в сильной позиции начала блока номинативно представлена событийно-сакральная тема (*все прошлое этой родословной*), основной же массив лексики связан с реализацией духовной темы (*жизнь, труд, подвиг, устремленность к Богу, тоска по Нему, борьба за Него, за Его победу в нас*). Назидательная цель в заключении не эксплицируется, поскольку эксплицирована ранее, она выражается как свершившийся факт: автор выражает восхищение самой возможностью следовать Богу и возносит благодарственную молитву за дарованный человечеству шанс *осмыслить и оправдать все прошлое нашего рода и его принести Богу как дар*, что усиливает для слушателя воздействующий эффект.

Наши наблюдения показывают, что наличие/отсутствие собственно текстовой реализации (в виде обособленного текстового фрагмента-повествования или фрагмента-описания) событийно-сакральной темы зависит от уровня приобщенности аудитории к религии, а также от типа церкви, где произносится проповедь (монастырь, приходская церковь). Аудитория проповедника традиционно делится поколениями на неопытную в делах веры, которой «*потребно млеко*», и на опытную, которой можно давать «*твердую пищу*». Таким образом, если перед приходским священником находится малоцерковленная аудитория, то событийно-сакральный блок, с разной степенью подробности повествующий о значимых священных событиях, будет не просто наличествовать, но занимать значительную по объему часть проповеди. Если же перед священником находятся постоянные прихожане и он знает о высоком духовном уровне большинства из них, то возможно свертывание событийно-сакрального блока до сравнительно короткого по набору составляющих его единиц номинативного ряда. Аналогично если проповедь произносится во время службы в монастыре перед братией и постоянными прихожанами, то вероятность свертывания событийно-сакрального композиционного блока в номинативный ряд в составе духовного блока достаточно велика. На воскресных же службах зачастую присутствуют люди невоцерковленные, экскурсанты, и тогда событийно-сакральный блок с целью просветительской, катехизаторской развертывается священником в самостоятельный пространственный субтекст.

Акцент на прагматическом аспекте композиционного членения проповеди позволяет сделать следующие замечания. Ситуативная тема важна как организующая ситуацию общения: повод к духовному общению увязывается с сегодняшним днем проповедника и его паствы на основе религиозного (иногда, много реже, светского) календаря. Предметная событийно-сакральная тема создает у слушателей развернутое эмоционально окрашенное представление о событии, вводит их в сакральную сферу с помощью создания чувственного образа сакрального явления. Повествуя о сакральных событиях, автор приближает духовный мир к слушателям, заинтересовывает, вводит их в сферу высокой духовности через ворота непосредственного восприятия (известна сила воздействия повествования на базе

его наглядности и активности передаваемых действий). С помощью событийно-сакральной темы наглядным образом (на образцах) задается идеальная модель поведения, основанная на щадящей или строгой этике [см.: Кант, 1987, 575]. В проповедях для рядового верующего представлены нормы щадящей этики (действие, вызывающее одобрение, состоит в воздержании от определенных действий), в проповедях монастырских, для братии, представлены нормы строгой, новозаветной этики (греховности противостоит святость, сверх-должное деяние) [см.: Верещагин, Костомаров, 2005, 869—870].

Духовная тема представляет собой анализ сакрального события, истолкование его духовного смысла. Цель автора — вывести слушателей на уровень рационально-духовных обобщений, противопоставить сакральный и профанный (грешный) мир, указать причины (грехи), мешающие слушателям достичь спасения, приблизиться к Богу, и, главное, указать пути преодоления греховности. В заключительной части проповеди, где духовная и предметная темы сливаются, цель автора — призвать слушателей к исправлению, побудить к действию по изменению своего духовного мира, по достижению духовного идеала, т. е. спасения. В этой назидательной части, в отличие от предыдущих композиционных блоков, эксплицируется основная цель целого текста, так что проповедь предстает жанром открыто назидательным.

Для текста проповеди ведущим является духовный композиционно-тематический блок с назидательным разрешением, причем именно заключительный назидательный фрагмент этого блока является жанрообразующим (без него проповедь превращается в беседу на духовную тему). Ситуативно-предметный тематический блок столь же обязателен в собственно структурном отношении: он характеризуется выделительной, рамочной функцией.

Таким образом, композиция проповеди строится в соответствии не только с общим тематическим развертыванием, взаимодействием предметной и духовной тем, но и с учетом типичного для этого жанра авторского целеполагания. Проповедь формируется, во-первых, движением от ситуативной темы к духовной (при различной нарративной проработанности предметно-сакральной темы); во-вторых, движением от создания базиса назидательности (представление образцов путем проработки предметно-сакральной тематики и развернутый анализ избранных духовных понятий и положений, в процессе которого в частной роли и факкультативно используется профанная тематика) к вербальному духовному поучению, собственно назиданию. Названные выше тематические типы и подтипы группируются в различные комплексы, что приводит к существованию композиционной вариативности проповедей.

Архим. Кирилл (Павлов). Время покаяния / Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 2000 [НВ, ВГ, СМ]*.

---

* Расшифровку названий проповедей см. в подстрочных примечаниях к статье.

- Баженова Е. А.* Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь, 2001.
- Валгина Н. С.* Теория текста. М., 2003.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура: Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Под ред. и с послесл. акад. Ю. С. Степанова. М., 2005.
- Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М., 1959.
- Данилевская Н. В.* Вариативные повторы как средство развертывания научного текста // Очерки истории науч. стиля рус. лит. языка. Т. 2, ч. 1. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь, 1996.
- Дресслер В.* Введение в лингвистику текста // Проблемы теории текста. М., 1978. С. 55—73.
- Кант И.* Лекции об этике // Гусейнов А.А., Иррлитц Г. Краткая история этики: Прил. М., 1987.
- Клинг В. И.* Композиционно-тематический аспект обзорной статьи // Текст в функционально-стилевом аспекте: Науч. тр. МГИИЯ им. М.Тореза. 1988. Вып. 309. С. 66—74.
- Кожин А. Н., Крылова О. А., Одинцов В. В.* Функциональные типы русской речи. М., 1982.
- Митр. Антоний (Сурожский).* Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Проповеди. Клин, 2002 [ПГ, ОП, ВС]*.
- Москальская О. И.* Текст как лингвистическое понятие // Иностр. языки в школе. 1978. № 3. С. 9—17.
- Одинцов В. В.* Стилистика текста. М., 1980.
- Феодосий.* Епископ Полоцкий и Глубокский. Гомилетика. Теория церковной проповеди. Сергиев Посад, 1999.
- Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С.* Общая риторика. Ростов н/Д, 1994.